

Александр Владимирович Гимельштейн

Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
✉ gimel68@mail.ru

DOI 10.25205/978-5-4437-1402-8-256-260

МЕДИА КАК ПРОСТРАНСТВО КОНФЛИКТА В ПРОЦЕССЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ РЕСТАВРАЦИИ В ИРКУТСКЕ

В мае 2016 года в Иркутске начался острый конфликт, связанный с постановлением мэра города, принятом по инициативе городской комиссии по топонимике. Был сформирован пакет решений о возвращении улице Богграда имени Чудотворская, присвоении скверу у здания компании «Востсибуголь» наименования «Тихвинский», площади, расположенной у правительства Иркутской области, — имени графа Сперанского, а также переименовании остановки «Гостиница Ангара» в «Площадь графа Сперанского».

Топонимические памятники организуют культурно-историческое пространство местности, в которой бытуют, подчеркивают ее уникальность и своеобразие, обеспечивают историческое преемство, свидетельствуют о древности и историчности окружающей их среды, фиксируют события, запечатлевают утраченные городские объекты, особенности рельефа, имена и занятия жителей. [Снарский, 2015].

В 1920 году 44 из 185 существовавших тогда иркутских улиц в один день получили новые имена. В дальнейшем эти изменения

© А. В. Гимельштейн, 2022

продолжились. Массовые переименования шли в это время по всей стране — победители закрепляли имена своих героев и свои идеалы в местных топонимах. Тем самым страница, связанная с дореволюционными названиями городских объектов, была перевернута. Стоит отметить, что для многих губернских, да и уездных городов до прихода советской власти была характерна оригинальная топонимика. Специфической особенностью Иркутска были купеческие топонимы. Конечно, такая практика свойственна не только данному городу, потому что нередко наименование улицы шло от собственника крупного магазина. В Иркутске тоже такое случалось, но чаще это были «наградные» названия. Иркутское купечество славилось своей филантропией. Средства, которые оно отправляло на благотворительные цели, выделялись, как правило, не на меценатство — поддержку культуры, искусства и науки, а на дома призрения, учебные заведения и социальные нужды. У нас есть некая недооценка масштабов благотворительности той эпохи, несравнимых с современными объемами спонсорства. Среди иркутских купцов были те, кто потратил на благотворительные цели миллион рублей, когда стоимость одного пуда (16 килограммов) муки была 36 копеек ассигнациями. Подобная практика поощрялась императорским правительством. За благотворительную деятельность купцов награждали орденами и высокими чинами по Табели о рангах, а городское сообщество называло в их честь улицы. Таких улиц было множество, что и образовало иркутскую «особость», поскольку такая топонимика была абсолютно оригинальной.

Советский Иркутск после 1920 года строился и расширялся, а значит, советская топонимика появлялась и естественным порядком. Так, улицы в поселке энергетиков назывались в честь энергетиков. Как и по всей стране, в нем стали появляться улицы, названные в честь ученых, писателей, деятелей искусств. Всё это сформировало советскую топонимику, в которой были интересные элементы, и, безусловно, она также имеет настоящую историческую ценность.

Поэтому если говорить о топонимической реставрации (именно этот термин здесь будет наиболее уместен), то ее резонно применять исключительно к историческому центру столицы Прибайкалья. Именно здесь исторические названия являются памятниками истории и культуры. Существует масса законодательных актов, защищающих памятники архитектуры, но, к сожалению, совсем нет законодательства, охраняющего топонимические памятники. Вместе с тем у топонимистов, историков и краеведов вообще нет никакой дискуссии, являются ли топонимы памятниками и культурной ценностью. Это признанный факт.

В Иркутске как минимум с 1960-х годов существует активное общественное движение по сохранению культурных памятников. Безусловно, в такой среде не могла не возникать тема городской топонимики. Проблематика проявлялась и в подцензурной советской прессе, не воспринимаясь как «оппозиционная», скорее, как культуроведческая. В итоге историки, краеведы, деятели культуры пришли к концу XX и началу XXI века с определенной общей идеей восстановления ряда исторических топонимов.

Имело ли возвращение дореволюционных названий идеологический характер? Являлось ли очередным этапом борьбы белых и красных? Во всяком случае когда вышеупомянутый пакет решений был принят, левой стороной политического спектра он был воспринят исключительно так. Массмедиа в этом вопросе разделились. Принятые решения вызвали абсолютный политический коллапс в КПРФ, которая в то время находилась у власти в регионе. Прошел специальный пленум обкома КПРФ, который выдвинул категорическое требование об отмене этих решений, была сделана попытка организовать уличную протестную активность. Мэрия областного центра не поддавалась давлению. Все решения устояли.

Спецификой рассматриваемого конфликта является то, что он имел ограниченный объем в части публичных действий — несколько попыток проведения пикетов и митингов по инициативе движения

«Суть времени» не стали событием даже в точках дислокации активистов. Одновременно уровень участия в этом конфликте местных и федеральных цифровых медиа, их деятельностный интерес и выраженная позиция были настолько велики, что сформировали парадокс: медиа назвали «топонимической войной» существо происходящих событий, в то время как правильнее было отнести этот хлесткий термин к дискурсу, сформированному самими цифровыми медиа.

Это вполне подтвердило исследовательский тезис о том, что в современных социальных конфликтах медиа играют самые разные роли: информаторов, соучастников, производителей социального конфликта. Они выступают и инструментом распространения конфликта, и пространством его существования, и средой его порождения [Вартанова, Дунас, Гладкова, 2021].

В «медиавойне» приняли участие цифровые ресурсы: ИрСити.ру ИА «Альтаир», ИА «Ирк.ру», БайкалИнфо, ИА «Красная весна», Иркутск Ньюс, Бабр.ру, ИА «Телеинформ», КП.ру, Ирк.АиФ.ру, ПримаМедиа.ру, РИА «ФедералПресс», ВСП.ру, КПРФ.ру, МК.ру, интернет-журнал «Мои года», ряд блогов на платформе «Живой журнал» и др.

Местные и федеральные медиа стали пространством конфликта, превратившись не просто в инструмент информирования, но в полноправного субъекта конфликта, способного усиливать или ослаблять его развитие [Байчик, 2020; Кинаш, 2017; Смирнова, Шкондин, 2021].

Литература

Байчик А. В. Массмедиа. Ценности. Конфликт / А. В. Байчик. СПб. : Изд-во РХГА, 2020. 248 с.

Вартанова Е. Л., Дунас Д. В., Гладкова А. А. Медиа и конфликты: исследование взаимовлияния в актуальном академическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 4. С. 3–32.

Кинаш Ю. С. Роль СМИ и «новых медиа» в современных политических конфликтах // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 4. С. 1–7.

Смирнова О. В., Шкондин М. В. Исследования медиа и журналистики в контексте конфликтологии: системно-теоретические аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 5–21.

Снарский А. С. Топонимическая реставрация в Иркутске // Проект «Байкал». 2015. № 12 (46). С. 92–94.